

Валерий ДЕМЕНТЬЕВ

ЗЕМНАЯ НОША

Критика критики — трудный жанр. Трудный хотя бы потому, что всегда есть опасность оторваться от «грешной земли» и оказаться, как говорили в старину, в неких эмпириях... Современная литература — вот земля, «плоть народа, первая его ценность» (А. Платонов), припадая к которой мы набираемся новых замыслов, познаем все возрастающую роль Слова в жизни общества и в жизни отдельного человека. Вот почему, имея в виду нашу литературно-художественную современность, я думаю, что можно справиться с этой сложной задачей — воссоздать штрихи к творческому портрету критика. Правда, размышляя о таком интересном и сложном явлении в нашей литературе, как творчество Феликса Кузнецова, мне кажется вполне естественным выход за пределы и литературы, и литературной критики в смежные области социологии, социальной психологии, экологии, морали... Дело в том, что Ф. Кузнецов не только общественный деятель, историк литературы, исследователь социально-общественных движений в России XIX века, автор книг, посвященных развитию революционно-демократической и марксистской мысли, он еще и яркий партийный публицист, наделенный и темпераментом, и пафосом, и силой убеждения.

Насколько разносторонни его интересы, показывает хотя бы его защита от ведомственного произвола уникальных сокровищ Коктебевского залива. Или его тревога и вполне обоснованное опасение, что как бы с осуществлением новых грандиозных проектов судьба большинства горок Северной Руси не стала бы судьбой распутинской Матёры. В таком обращении к важнейшим проблемам экологии, в частности к проблемам «щадящего» отношения к природе, он исходит из своей любви к родной природе, земле, почве, а также из общего положения. А именно: из положения, что наряду с биосферой должна формироваться, предположим, и этосфера, то есть новая этика в использовании природных богатств, что должен наступить новый этап в отношениях между человечеством и природой, этап, который бы включил в себя и социальные, и историко-культурные, и моральные ориентации современного человека.

Российская проза в этом смысле занимает передовые позиции — она помогает нам осмысливать живую природу как духовную и эстетическую ценность, помогает вести бескомпромиссную, страстную ее защиту. И здесь критика учится у литературы, здесь она чутко прислушивается к ее гулам и раскатам.

...Диалектичность мышления, умение охватить разом противоположные стороны или грани сложного явления — вот, пожа-

луй, самая главная, все остальное себе подчиняющая особенность Ф. Кузнецова как теоретика и историка отечественной литературы.

С одной стороны, он видит не просто актуальность, но злободневность таких вопросов, как «энтээрвовское» сознание или его противоположность — некую «внеземную» духовность. С другой стороны, Ф. Кузнецову свойственна смелая и широкая постановка таких «вечных» нравственных проблем, как проблемы добра и зла, вины и ответственности, выбора, смысла жизни, совести и т. д. Причем эти проблемы на каждом новом витке исторической спирали перед каждым человеком, перед каждой эпохой встанут как бы заново, требуют самостоятельного решения, учитывающего не только предыдущий опыт человечества, но и то новое, что небывалое, что вносит в своем неумолимом движении жизнь. Многозначный комплекс этих проблем выявляется — при ближайшем рассмотрении — во многих наших дискуссиях и спорах. Но вот отчетливый акцент, который ставит Ф. Кузнецов на духовном и нравственном самочувствии нашего современника, принадлежит именно ему.

А сейчас мне хотелось бы подчеркнуть немаловажное, на мой взгляд, обстоятельство: в видении всех этих самых острых вопросов сквозь «магический кристалл» моральных императивов можно обнаружить и личный жизненный опыт Феликса Кузнецова, и опыт его поколения, которое вступило в общественно-литературную жизнь в середине пятидесятих годов, в обстановке восстановления ленинских норм жизни, обновления нравственной атмосферы, повышенного внимания к судьбе конкретной личности, к морали конкретного человека.

Правда, его университетский диплом означал только первую веху на пути открытий и ошибок, радостей и огорчений. Необходимо было разобраться в крайностях иных суждений, избежать скоропалительных выводов, обрести свою творческую первооснову, которой и оказалась народная культура, народная нравственность, народная эстетика в ее, условно говоря, северном варианте. В дальнейшем эта первооснова была сформулирована в следующих словах: «Вне духа истории, вне традиций народной красоты и поэзии, вне атмосферы народного, демократического, революционного прошлого не воспитать человека будущего».

Замечу, что по своему рождению и происхождению Ф. Кузнецов связан с дрянной землей Заволоцкой, с городом Тотьмой, который постарше самой Москвы... Борис Корнилов как-то обронил вещую строку: «Все мы гордые, мы, крестьяне, дети сельских учителей». Сельское, еще точнее — народное

учительство и явилось той средой, в которой формировались жизненные, творческие принципы Феликса Кузнецова. Северная Тотьма с ее деревянными тротуарами, старинными соборами, богатейшим этнографическим музеем, картинами прекрасного художника-пейзажиста Ф. М. Вахрушева и одновременно с ее газовой-магистральной и лесопромышленной новью кровно близка этому критику.

Здесь, в среде местной интеллигенции, еще в тридцатых годах были живы отзвуки и революционно-демократических, и народнических умонастроений, были живы и воспоминания о таких ссыльнопоселенцах начала века, как А. В. Луначарский. Мне думается, что именно эта атмосфера и оказалась наиболее благоприятной для духовного формирования Ф. Кузнецова, что она определила важнейшую особенность его таланта.

Идеи революционных демократов, идеи Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского, Писарева, идеи некрасовского «Современника» для него были живые идеи, вычитанные не в пожелтевших фолиантах и пригодные не только для сдачи экзаменов, нет, они оказались изустно существующими, пригодными, как говорится, на все случаи жизни. Они-то и стали теми лесами, которые позволили возродить здание творчества.

В качестве примера хочу напомнить участие Ф. Кузнецова в дискуссии о народности и массовости культуры, совсем недавно проведенной «Литгазетой». В ходе этой дискуссии народное и массовое то расчленилось, то поочередно отвергалось, то подменялось одно другим. Причем крайние точки зрения были представлены достаточно убедительно. Но вот первый вывод, который сделал критик: в наше время и литература, и искусство в устремлениях и тенденциях своих в идеале становятся не только народными, но и массовыми, а с другой стороны, не только массовыми, но и народными!

Эта афористическая фраза мне, например, напомнила одно высказывание А. Т. Твардовского. Автор «Василия Теркина» народность поэзии признавал также в случае ее изустного существования, ее массового распространения через настоящие календари и т. д. «В идеале, — говорил он, — так только и должно быть, чтобы настоящая поэзия была достоянием миллионов».

Не кто иной, как Герцен, прозвучавший в этой дискуссии удивительно современно и свежо, помог нашему критику сделать важнейший вывод о том, что народность не сводится к массовости или к национальному своеобразию литературы, что эстетика революционных демократов поставила во главу угла социальные начала народной жизни, выявила ее антибуржуазную направленность. Это открытие, сделанное во второй половине прошлого века, и позволило Ф. Кузнецову в такой, казалось бы, привычной для нас теме разглядеть новые грани. Критик резко раздвигает границы творческого спора — речь теперь идет об идеологическом противостоянии, которое особенно сложно в области культуры и которое в целом характеризует обстановку в современном мире. Он призывает нас учитывать существование той «массовой», а на самом деле буржуазно-потребительской контркультуры, с которой ныне сняты все и всяческие тормоза и которая, как он пишет, направлена на убийство социальной активности народных масс. Нет, нам никак нельзя отсиживаться «за плотной комнатной шторой» от этих глобальных проблем. Напротив, нам надо отчетливо видеть, говорит критик, что в нашей сегодняшней культурной жизни нет-нет да и начинают произрастать дикие цветы различных культур: то культ «дисков» и «диск-жюкеев», то культ «обнаженных натур», то культ «фирменных» вкусов, навеянных Западом и напоминающих потребительскую лихорадку.

Добавлю, что иногда приходится слышать непрямые упреки в адрес Ф. Кузнецова, будто бы он в подобных дискуссиях выступал не в своих статьях и книгах вместо политики, литературы занимается ее морализацией, что суть современного литературно-художественного процесса он видит в нравственных исканиях писателей, прозаиков и поэтов, в утверждении их этических оценок и суждений. По-моему, следует решительно отвергнуть подобные упреки, которые основаны на очевидном заблуждении, будто политика может существовать вне этических абсолютных и идеологических ценностей.

«Нравственность, — подчеркивал В. И. Ленин, — служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда». Вот эта возвышающая роль нравственности в жизни

советского общества, в жизни каждого человека и является средоточием исканий, о которых пишет Ф. Кузнецов и которые он выявляет в литературе.

Действительно, в наше время чрезвычайно остро ощущается потребность в нравственном освоении мира, в утверждении общих принципов нашей морали, в конкретно-практической нравственной деятельности личности. Не случайно Юрий Бондарев воскликнул: «Нравственность — это социальная совесть писателя!» Не случайно и Валентин Распутин отметил: «Нет сейчас проблемы важнее, чем высокое, достойное времени нравственное утверждение человека».

Хотелось бы привести высказывания и других писателей, творческий опыт которых на протяжении многих лет привлекает самое пристальное внимание Ф. Кузнецова. Однако я просто их назову: это Ф. Абрамов, И. Авижус, Ч. Айтматов, М. Алексеев, А. Ананьев, В. Астафьев, В. Белов, В. Быков, О. Гончар, Д. Гранин, С. Залыгин, С. Крутилин, Г. Марков, И. Мележ, Е. Носов, П. Проскурин, Г. Семенов, В. Солоухин, В. Тендряков, Ю. Трифонов, Г. Троепольский... Обрываю перечень имени этого первого эшелона нашей современной литературы. И здесь же хочу выделить красной строкой следующую мысль.

По твердому убеждению Ф. Кузнецова, художественная истина, выраженная в произведениях выдающихся художников слова, непременно — в силу законов высокой художественности — весома и в социальном, и в нравственном отношении. Напротив, произведения заурядные, поверхностные, написанные «к случаю», не могут содержать в себе заряд этой социальности и нравственности, хотя они и написаны на сверхактуальную тему. Так, Ф. Кузнецов выступает ярким поборником реалистической, может быть, сурово-реалистической прозы, в которой сильны, по его выражению, исследовательские начала. И в этом плане он наследует лучшие традиции революционной эстетики критиков-демократов, критиков-марксистов. К слову сказать, в тех же случаях, когда обнаруживается в нашей литературе умышленный или неумышленный, но очевидный брак, Ф. Кузнецов резко беспощаден в своих выводах. И здесь он не отступает от своей творческой концепции, поскольку такие произведения наносят немалый нравственный урон и читателям, и обществу в целом.

...Леонид Мартынов одну из своих последних книг назвал «Земная ноша». Удивительно точно и верно сказано о сущности творческого труда! Да, главное в нем — тяга земная, ноша земная, которая все-таки прибавляет новые силы любому из нас.

Это целиком относится и к Феликсу Кузнецову.